

А. П. МАЙОРОВ

**УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ
СЕЙ, ТОТ, ОНОЙ, ЭТОТ
В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVII—XVIII ВВ.***

Неотъемлемыми свойствами делового текста с давних времен были стандартизованность и номенклатурная точность (точное следование образцу). В силу этих обстоятельств средства общенародного или книжного языка, используемые в деловой письменности, так или иначе приобретали стилевые качества, отвечающие требованиям стандарта, точности и однозначности изложения.

Указательные местоимения, обеспечивающие связность любого письменного текста и словесную организацию делового текста в частности, в этом процессе играли первостепенную роль. Так, Е. М. Вольф считает, что, «как правило, указательное местоимение появляется, когда контекста недостаточно для идентификации его элементов и связь должна быть подкреплена формальными средствами. Иными словами, демонстратив (указательное местоимение.— А. М.) служит средством установления кореферентности, идентифицируя наименования, соотношенность которых не является само собой разумеющейся» [Вольф 1974: 116]. По отношению к деловому дискурсу идентифицирующая функция указательных местоимений является обязательной, поэтому неудивительно, что в деловом языке эти местоимения в первую очередь становились стилеобразующими средствами.

Задача данной статьи — проследить изменения семантико-стилистических функций указательных местоимений *сей, тот, оной, этот* в переломный для истории русского литературного языка момент, каковым является XVIII век. В деловом языке данной эпохи характерно столкновение двух письменных традиций — приказной, сформировавшейся в XV—XVII вв., и книжно-литературной. В результате в деловом языке идет интенсивный процесс функционально-стилистического переосмысления книжно-славянских средств, которые стали применяться в деловом письме как стилеобразующие. В этом процессе изменяются семантико-стилистические свойства не только книжно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-04-62001а/Т).

славянских местоимений *сей, оный*, но и традиционно используемого в деловом языке местоимения *тот*.

Наблюдения над исторической динамикой функционирования данных местоимений требуют обращения к истории их употребления в предшествующий период. Поэтому анализ семантико-стилистических свойств этих языковых средств в деловом письме XVIII в. предваряется кратким экскурсом в историю их функционирования в древнерусском и старорусском языке. В статье в основном используются материалы архивов Забайкалья: Национального архива Республики Бурятия (далее — НАРБ), Государственного архива Читинской области (далее — ГАЧО), Государственного архива Иркутской области (далее — ГАИО). Кроме того, привлекаются материалы рукописных памятников деловой письменности, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), и опубликованных памятников петровского времени (указы). Данные материалы позволяют проследить характер действия норм делового стиля в региональном узусе деловой письменности XVIII в.

Среди анализируемых языковых средств местоимение *сей* выделяется тем, что оно единственное могло употребляться в дейктической функции в письменном тексте. В принципе, указательные местоимения в дейктическом значении содержат отсылку к объекту, на который направлен указательный жест говорящего (иногда мысленный) в определенной речевой ситуации. Иными словами, дейктические местоимения «выражают пресуппозицию существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего и таким образом соотносятся с определенным референтом, который в рамках данного акта речи индивидуализирован» [ЛЭС: 294—295]. Между тем в письменном тексте, при нарративном режиме, если намеренно не воспроизводится речевая ситуация устного общения, на первый план выходит анафорическая функция указательных местоимений. Как отмечают исследователи, «указательные местоимения, пожалуй, наиболее характерный случай перехода от коммуникативно обусловленной категории к текстообразующей» [Ревзин 1973: 123].

Оставляя в стороне формальные модификации местоимения (*сь-сий-сый-сей*), необходимо проследить основные изменения в сфере функционирования и семантике местоимения с древнерусского периода. Исследователи отмечают его атрибутивное и субстантивное употребление в древнерусских письменных памятниках самых различных жанров преимущественно с анафорической функцией [Богатырева 1968; Элсберг 1967]. Наши наблюдения подтверждают это: Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но *се* Кий княжаше в роде своем [ПВЛ, 31]¹; и пойдоста по Днепру, и идуче мимо узреста на горе градок, и упрошаста и реста: «Чий *се* градок?» [Там же, 32]. Изредка возможно употребление местоимения *сь* в дейктическом значении,

¹ Здесь и далее орфография текстов из опубликованных и неопубликованных источников упрощается в соответствии с современной.

которое выявляется в сочетаниях *сь* с существительными, обозначающими какие-либо виды письменного текста: *Седя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ днєвь допроводи. Да дети мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицу, не посмеитєся* [Лавр. лет., 241]. В данном случае местоимение *сю* не содержит отсылку к тому объекту, который бы упоминался ранее. Оно выступает в дейктическом значении, указывая на тот вид текста, который имеется в виду в непосредственный момент его создания.

Следует подчеркнуть активность этого местоимения в устойчивых словосочетаниях, обозначающих какой-либо временной отрезок: *в се же лето, сего жє мєсяца, до сего днє*²; в сочетании со словами *миръ, светъ, векъ, жизнь, житие*; в сочетании со словом *сторона (страна)* в значении «этот, близкий», где дейктическая функция реализуется только в данном словосочетании. Эти словосочетания и *сь* с анафорическим значением в свободном сочетании слов характерны в основном для памятников книжного узуса (летописей, житий, хождений и т. п.). Иными словами, местоимение *сь* в анафорическом значении формируется как книжно-литературное средство наряду с местоимением *тѣ/тотѣ* в этом же значении в памятниках деловой и бытовой письменности.

С другой стороны, местоимение *сь/сей* употреблялось в памятниках деловой письменности. Здесь уже встречаем преимущественное, если не исключительное, функционирование местоимения в дейктическом значении. Очевидно, например, в значении местоимения *сь/сей* указание не на тот предмет, о котором шла речь в предыдущем контексте, а на его непосредственную пространственно-временную близость в следующем случае: во имя отца и сына и святого духа. Се яз, раб божий Василей Порошин сын Языкова, пишу себе *сию* духовную память, идучи на государеву службу в Нагаи 105-го году [АСЗ, № 211, 1596]. Регулярно употребление *сей* в речевых клише тех документов, у которых информация о данном типе документа представляется важной: к *сей* отдельной выписи князь Меркурей Олександрович печать свою приложил [АСЗ, № 147, 1588]; к *сей* купчей руку приложил Матвей Побединьской [АСЗ, № 86, 1611]. Необходимо отметить, что дейктическое значение реализуется в сочетании местоимения *сей* со словами, обозначающими разные виды документов.

Дейктическое значение местоимения *сей* в деловом языке этого периода достаточно четко выявляется в противопоставлении местоимению *тѣ/тотѣ* в значении «более отдаленный в пространстве или во времени»: 106-го году, марта в 7 день, в книгу записана. Справил подъячей Иван Мартемьянов. Да у *той* же подлинной даной пишет К *сей* даной грамоте Иван Петров сын Хомяков руку приложил [АСЗ, № 210, 1581]. В последнем примере актуализируется противопоставление оригинала данной грамоты (*той подлинной даной*) и ее списка, который составляется в настоящий момент (*к сей даной грамоте*).

² В данных словосочетаниях местоимение *сь* может употребляться наряду с местоимением *тѣ* (*то лето, той же осени* и т. п.).

Иными словами, актуальность идентификации данного, конкретного документа в этом случае востребована правилами делопроизводства, необходимостью точной характеристики того, о чем идет речь в данном конкретном случае. Таким образом, *сей* в дейктическом значении формируется как стилиобразующее средство приказного слога.

В XVII в. функционально-стилистическая дифференциация в употреблении местоимения *сей* сохраняется. В книжно-литературных произведениях субстантивное и атрибутивное употребление местоимения связано с его анафорической функцией: прият же тамо многи скорби и гонение от раба некоего, зовомаго Бориса Годунова <sic!> *Сей* же Борис шурина царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Русии [Рус. ист. пов., 30]; князь же Шуйский с воинствомъ поидоша в Москву... и стретоша *сего* воеводу вси людие [Рус. ист. пов., 131]. Дейктическая функция этому местоимению в подобных текстах несвойственна.

В деловом языке этого периода остается актуальной дейктическая функция местоимения в словосочетаниях, обозначающих определенный вид документа: *сия челобитная, сей указ* и т. п.: к *сеи* челобитной... луховской посадкой человекъ Замятка Аникеев руку приложилъ [Пам. Влад., 159, л. 165 об., 1659]; РОА июня въ К де... *сю* явку подал кадашевецъ Петръ Исавъ [Рус. чел., 24, л. 178 об., 1663]; сколько всево... и то писано в *сих* книгах [Пам. Влад., 79, л. 397, 1672].

Таким образом, для XVII в. существование двух обособленных письменных традиций — книжно-литературного узуса и приказного слога — накладывает свой отпечаток на словесную организацию того или иного текста. Это в свою очередь определяет особые семантико-стилистические функции важнейших средств связности текста — указательных местоимений. При этом одно и то же языковое средство, используемое и в том и другом письменном регистре, может варьировать свою семантику и стилистические функции в зависимости от того, в каком типе текста оно употребляется. Так, местоимение *сей* в книжно-письменном узусе широко применялось с анафорическим значением (соответственно, в приказной традиции в этом значении использовалось местоимение *тотъ*, анализ которого приводится ниже). В данном значении *сей* маркировано как книжно-литературное средство. В деловой письменности это местоимение употребляется с дейктическим значением, указывая на тот вид документа, который актуален в данный момент делопроизводственной деятельности.

В деловом языке первой половины XVIII в. местоимение *сей* еще употребляется в соответствии с приказной традицией. Иначе говоря, оно также продолжает функционировать в дейктическом значении в сочетании со словами, обозначающими разные виды документов: Варвара Степанова дочь дала *сию* купчую... [НАРБ, ф.88, оп. 1, д. 59, л. 84 об., 1762]; к *сему* доезду вместо салдата Семена Малетина ево прошением ундершихтmeisterъ Харитон Вязников руку приложилъ [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 7, л. 321г, 1747]; к

сему допросу салдат Григорей Расторгуевъ руку приложилъ [НАРБ, оп. 1, д. 92, л. 4 об., 1772].

Особо следует отметить дейктическую функцию *сей* во временных конструкциях типа *сего года*: указ... ис канцелярии на кяхтинской постъ капитану Тренсу *сего сентября* 13 дня... объявлено [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 475, 1730]; из ыркутского городского магистрата в верхнеудинской городской магистратъ сообщение *сего июля* 5 дня... в присутствии докладывано [НАРБ, ф. 20, оп. 2, д. 9, л. 18, 1785]; в селенгинскую земскую избу селенгинскаго мещанина Максима Власова объявление *сего 1797 го года* мая на 22 е число по отлучаю моего <sic!>... оставалась при доме жена моя [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 3026, л. 4, 1797]. Из примеров видно, что *сей* содержит не отсылку к антецеденту, а указание на временную отнесенность референта с точки зрения субъекта речи. Иначе говоря, значение *сей* в данных конструкциях является дейктическим.

Со второй половины XVIII в. у местоимения *сей* в деловом письме расширяются синтагматические возможности, оно начинает употребляться с анафорическим значением. В этом случае местоимение *сей* выступает синонимом местоимения *тотъ* или *оной*: язва на лошадей владычествовала только по правому берегу Онона... но по Трактовой чрезъ Читинской острогъ и городъ Нерчинскъ дороге язвы *сеи* не было [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 25 об., 1791]; а какъ по справке в кяхтинской земской избе оказалось прошедшей 4 ревизии осталось по *сеи* ревизии по кяхтинскому фарпосту в мещанехъ... самое уменьшительное число... и *сия* земская изба во взыскании с нихъ состоящихъ доимокъ сама собою никакихъ средствъ взять не можетъ [НАРБ, ф. 20, оп. 1, д. 2973, л. 261 об., 1796].

Безусловно, здесь сказывается воздействие нормы употребления *сей* в литературном языке, где это местоимение традиционно применялось в анафорическом значении: а мы нашлись близко одного острова... возымели тотчасъ любопытство какъ оной островъ называется... А *сеи* островъ есть любви [Тред., 192]; открылась бездна звездъ полна, Звездамъ числа нетъ, бездне дна... Такъ я, в *сеи* бездне углубленъ Теряюсь, мыслями утомлен [Лом. 1743: 201—202]; Языкъ не могъ изобиловать такимъ множествомъ речений... какъ иные читаемъ. *Сие* богатство приобретено... [Лом. 1755: 205]. Идентичность функций местоимения *сей* в канцелярскомъ слоге и в литературныхъ произведенияхъ знаменуетъ собой окончательное разрушение обособленности книжно-литературного и делового письменного узуса, которое было характерно для допетровской эпохи, свидетельствуетъ о становлении единыхъ нормъ русского литературного языка.

Четкое разграничение дейктической и анафорической функции у местоимения *сей* провести невозможно, когда осуществляется не повторное наименование уже упомянутого объекта, а происходит новая идентификация объекта: ... я ему сказалъ если бѣ имель конечно бѣ ему на вексельъ повериль, съ *сего самого слова* онъ господинъ Абрацовъ въскоча съ своего места с намерениемъ бить меня называлъ такими ругательными словами о

коихъ упомянуть по благопристойности неможно... *сеи ево поступъ* и прежнїи ево поведенїи удивили меня [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 59, л. 46 об., 1785]; за что сержантъ и ударил в щоку а Ковригинъ напротив ево ударил в косицу и дал язву и схватилися оба... а какъ *симъ поступком* со обоих сторонъ право челобитья было потеряно, то присутствующим приказано им было помирится [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 273, л. 7 об., 1783].

В связи с аналогичным употреблением местоимения *этот* в современном русском языке Е. В. Падучева отмечает, что «вообще для указательной группы, меняющей категоризацию объекта, независимо от наличия у нее антецедента, размывается различие между анафорой и дейксисом: про такую группу скорее можно сказать, что она обозначает объект, так или иначе возникший в общем поле зрения говорящих в предшествующем тексте, чем отсылает к его имени» [Падучева 1985: 159]. И. И. Ревзин считает, что указательное местоимение в данном случае выступает в принципиально иной, генерализирующей функции, которая в других языках передается определенным артиклем [Ревзин 1973: 125—127]. Так или иначе можно констатировать расширение семантики и, соответственно, синтагматических связей местоимения *сей* в деловом языке второй половины XVIII в. Другими словами, помимо устойчивых конструкций типа *сега года* и *сей указ* местоимение *сей* в деловом языке начинает широко применяться с анафорической функцией.

Интересен также тот факт, что в народно-разговорном языке XVII в. достаточно активно употреблялось местоимение *этотъ/этотъ*, представленное в текстах русской частной переписки данного периода [Лысакова 1971]. Его отсутствие в деловом языке XVII в. в какой-то мере свидетельствует о нормативности функционирования местоимения *сей* и *тотъ* в значениях, которые уже могли бы передаваться местоимением *этотъ*. В XVIII в. норма употребления *сей* в деловом языке и, как представляется, в литературном еще сохраняется достаточно прочно.

Использование местоимения *этотъ/этотъ* допускалось в дословной передаче чужой речи: на что онъ господинъ Абрасцовъ закрычалъ... какъ можно кроме меня кому верить я *этехъ* просителии всехъ кнудомъ пересеку при твоихъ глазахъ [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 59, л. 46, 1785]; и оне сказали что прежде сега клали *этот* огонь [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 4, л. 12 об., 1731].

С другой стороны, в анафорической функции *этотъ/этотъ* было стилистически противопоставлено местоимению *оной*, пришедшему из книжного языка в деловой язык XVIII в. Их довольно четкое стилистическое разграничение прослеживается в следующем примере: означенной Хонжин Кибаяев сказал *этот* след не тот которые китаицов грабили *этотъ* след нашъ понеже по *оным* следамъ ездили в мунгалскую землю и гонили баранов а отдавши де *оных* баранов назать ехали надвое а отдали де *оных* баранов... в краинем сосняге [Там же, л. 12 об.]. Здесь прямая речь следует непосредственно после слова *сказал*, и ее яркой опознавательной приметой является употребление местоимения *нашъ*. Соответственно, при дословной переда-

че фразы, построенной по правилам разговорного узуса, возможно употребление местоимения *этот*. Однако далее, после слова *понеже*, цитата сменяется канцелярской речью чиновника, передающего деловым слогом рассказ допрашиваемого о своих злоключениях. В этом случае одним из способов передачи чужой речи является использование частицы *де*. Особенность ее употребления состоит в том, что в высказывании с данной ксеночастицей допускается причудливое смешение прямой и косвенной речи, своих и чужих слов, «поскольку в большинстве случаев высказывания с ксенопоказателями нацелены на передачу „чужого“ смысла, а не чужих слов» [Арутюнова 2000: 443]. Как правило, в таких случаях прослеживается стремление оформить разговорную речь в соответствии с нормами канцелярского слога. В результате разговорное *этот* заменяется на стилеобразующее *оной*.

Стилистический статус местоимения *сей* в русском языке XVIII в. был относителен, подвижен. Если в литературном языке оно выступало как высокое книжное средство, со временем подвергающееся архаизации, то в деловом языке *сей* в качестве стилеобразующего средства было лишено оттенка архаичности, «высоких» коннотаций. Тогда его противопоставленность местоимению *этот/этой* в разных сферах функционирования определялась той функционально-стилистической ролью, которую оно выполняло. Характерно, что в начале XIX в. стилистическая сущность указательных местоимений *сей* и *этот* предопределялась не только сферой функционирования, но и той или иной точкой отсчета у социально различных категорий носителей литературного языка, в соответствии с которой одно и то же местоимение могло стилистически интерпретироваться по-разному. Так, например, местоимения *сей*, *оний* в светской словесности расценивались как архаизмы и вызывали протест у писателей; с другой стороны, для духовных лиц местоимения *этот*, *эти* представлялись как «площадные и худые» слова, которые необходимо было заменять на местоимения *сей*, *сии*, в духовной словесности остающиеся нейтральными [Живов 1996: 479].

В отличие от других рассматриваемых указательных местоимений, местоимение *тот* в истории русского языка, выполняя разнообразные функции (дейктическую, анафорическую и др.), было наиболее употребительным практически во всех сферах применения книжно-литературного и делового языка. В связи с этим оно выделялось среди других указательных местоимений наибольшей вариативностью в плане выражения и в плане содержания.

В древнерусском языке *тъ/тъи/тоу/тотъ* выступает в основном с анафорическим значением [Элсберг 1967; Богатырева 1968; Семенихина 2004]. Для повторной идентификации уже упоминавшегося объекта использовались также указательные местоимения *и* (*онъ*) — субстантивно; *сь* — субстантивно и атрибутивно. Например, местоимение *и*: в се же лето священа бысть церкви свягаго Михаила Переяславлеския Ефремомъ тоя церкви митрополитомъ иже *ю* есть создалъ велику сушу и пристрою в *ней* велику створи у-

красивъ *ю* всякою красотою [Ип. лет., 200]. В задачу данной статьи не входит анализ синонимических отношений этих местоимений. Однако, как представляется, местоимение *тѣ* в тот период, видимо, не только содержало в своем значении отсылку к слову в предшествующем тексте, но и выделяло тот объект, который являлся главной темой сообщения: се же есть дивно цркы в Ростове въ имя стаго Юана... и сгоре цркы *та* вся от верха и до земле и иконы что не утягли вымчати и гроби в земли дну. и бе в цркви *тои* икона на неже написанъ святыи мученикъ Феодоръ Тиронь... толико икона *та* святаго мученика Феодора с вощаницею цела [Лавр. лет., 436].

Анафорически-выделительную функцию у постпозитивного местоимения *тѣ* в древнерусском языке отмечают и другие исследователи [Элсберг 1967: 10]. При этом активное употребление анафорического *тѣ* объясняется «спецификой древнерусского синтаксического строя, выражающейся в постоянных повторениях говорящим сказанного ранее, для более точной передачи содержания мысли» [Там же: 13].

Думается, верная сама по себе мысль исследователя нуждается в дополнении и корректировке. Подобный синтаксический строй характеризовал в большей степени не собственно литературный язык, который опирался на синтаксис церковнославянского языка с присущим ему гипотаксисом, а русский язык, который ярко представлен в деловой письменности. По мнению В. М. Живова, «наиболее выразительной особенностью приказного языка является его синтаксис, а именно так называемое „нанизывание“ предикативных конструкций, при котором рема... первой предикативной конструкции повторяется как тема во второй, рема... второй предикативной конструкции повторяется как тема в третьей и т. д., создавая особый тип подчинительной связи» [Живов 1999: 234]. При таком типе словесной организации текста указательное местоимение *тотъ* в составе темы каждой последующей предикативной конструкции призвано актуализировать указание на тот объект, который выступает как рема в предыдущем предложении. Актуализация этого указания связана с таким имманентным свойством делового письма, как точность и однозначность сообщения о чем-либо.

Тотъ как средство делового стиля рассматривается только в составе именной группы *тотъ* + существительное. Окончательно это местоимение в качестве стилеобразующего средства закрепляется в деловом языке XVII в. До этого периода, в документах XVI в., в качестве анафоры было возможно стилистически нейтральное местоимение *и (онъ)* при указании на неодушевленный предмет: на песковатаи полянки стоит береза вилавата на *ней* гран подле *ее*... лес хоромнай [Пам. южн. нар., л. 432 об., 1589]; и при указании на лицо: отделили в помесье Семену Дмитрееву сыну Ендугурову... Да *ему* ж отделено ис порозжих земель другую половину его окладу [АСЗ, № 147, 1588]. В документах XVII в. в аналогичном контексте мы уже встретим более точное указание *тотъ* + существительное: отделено в одно поля от Ездочнова рубежа... а межа *тому полю* возле речку Розумною... еду-

чи вниз по Розумной колодез а возле *тово колодезя* озерко а от *тово колодезя* от озерка... х Коренскому лесу... [Пам. южн. нар., 1, л. 395, 1634].

При указании на лицо анафорическое *и* (*онъ*) в деловых текстах XVII в. в отличие от приказного письма XIV—XV вв. употребляется, как правило, в составе именной группы с существительным, которое в ней кореферентно с предшествующим именем: сказал Онтипу Иванову сну Беседину... въ ево оклад в двесте чети в поместья со всеми угоды а усада *ему Онтипу Беседину* вверх по Сиверскому Донцу... а сеножат *ему Онтипу Беседину* вверх по Сиверскому Донцу [Пам. южн. нар., 1, л. 338, 1632].

В связи с этим анафорическое *тотъ* становится возможным в сочетании с именем собственным: бьет челом и являет... на посадцкого члвка на Михаила Василева сна Москвитина в ннешнем гсдръ во РЛВ мъ году ноября въ АІ де приходиль гсдръ *тотъ Михаило* на твои гсдревъ кабак неведомо для чево и учал меня Карпунку лаят матерны... и впред гсдръ *тотъ Михаило* на меня и на товарищев моих похваляетца смертным убоиством [Пам. Влад., 122, л. 1, 1623]; бьет челом и являет... на мастера на Онику Поляка... и *тотъ Аника* с товарищи унесли у меня из домишку грабежем коробку съ денги [Рус. чел., 26, л. 1, 1663].

В современном русском языке местоимение *этот*, аналогичное старорусскому *тотъ*, невозможно в составе именных групп, которые в силу своего смысла предназначены для обозначения единичных индивидуализированных объектов — собственных имен и определенных дескрипций [Падучева 1985: 160]. Сочетание с именем собственным предполагает всегда какую-то степень выделенности (*этот Иван* — подразумевается выделенность *из нескольких Иванов*) либо эмоционально-экспрессивную определенность (*Ох, уж этот Иван!*). В старорусском деловом тексте употребление именной группы *тотъ* + имя собственное выступает в рамках той же стилиобразующей функции, которая была указана выше, и не предполагает какой-либо выделенности или — тем более что для делового слога это невозможно — эмоционально-экспрессивной окрашенности.

Выступая в качестве стилиобразующего средства приказного слога, местоимение *тотъ* по сфере функционирования оказывалось противопоставленным местоимению *той*. В данном случае различие в морфемном строении использовалось как стилистическое. При этом форма *той* представляется более архаичной, книжной, а следовательно, чаще (если не исключительно) применяется в литературном языке XVII в.: И учинися вестно... еже Борис помышляет на них и восхотеша его со всеми сродницы без милости побити камением. И видя себе *той* Борис самого поругаема... и умысли лукавством [Рус. ист. пов., Иное сказание XVII в., 30]; бысть же в том граде воевода царя Василия боляринъ Михайла Борисович Шеин, *той* же Михайла... град ополчениемъ своимъ мужески защищаше [Рус. ист. пов., Повесть книги сея от прежних лет, 1626: 130].

В языке деловой письменности XVII в. местоимение *тотъ* в анафорическом значении употребляется регулярно и последовательно: Се аз вдова Ули-

та... продала я ростовцу... двор свои... а *тот* мои двор... и с огородною землею от кирпичичи (sic!) земли... а позад *та* моя земля [Пам. Влад., 90, л. 867, 1693]; подкинул подворишка (sic!) мои младенца мужеска полу у ворот привязан к колцу и я *того* младенца взял к себе [Пам. Влад., 197, л. 1, 1692]; явил на поупку восемь рублей днгъ а на *те* днги купил в селе Великом железного товару сто крючав чюланых... и с *тое* поупки таможенных пошлин платил с рубля по пять днгъ и *тот* товар повез до Москвы [Пам. Влад., 98, л. 1, 1698].

Обращает на себя внимание то, что данное местоимение могло употребляться при неоднократном упоминании одного и того же объекта: ходили государь робята человека моего Маски сынъ Ивашка да бобылих моих двое робят... и тот Ивашка *тех* робят отослал проч не толочтя де травы и *те* робята пришед домой и сказали матерем своим и одна бобылиха Парашка взяв *тех* робят с собою и ходила к тому месту [Пам. Влад., 124, л. 10, 1623]. В современном русском языке в таких случаях нормой для указательных местоимений является то, что они не могут использоваться для длинной серии упоминаний объекта, так как «уже после первого употребления указательного местоимения объект индивидуализирован, извлечен из множества себе подобных, и дальше местоимения не требуется» [Падучева 1985: 161]. В деловом языке XVII в. многократный повтор именной группы *тоть* + существительное с анафорической функцией обусловлен все тем же свойством точности и недвусмысленности информации делового текста.

Приказная традиция употребления *тоть* в качестве стилеобразующего средства сохраняется и в деловом письме XVIII в. Вместе с тем здесь уже наряду с *тоть* не менее активно функционирует местоимение *оной*, которое в соответствии с тенденцией славянизации канцелярского слога должно было сменить в этой функции местоимение *тоть*.

Вплоть до XVIII в. местоимение *оный*³ приказному слогу не было известно. Зато оно было широко представлено в книжно-литературных жанрах XVII в., выступая преимущественно в анафорическом значении. В XVIII в. начавшийся процесс синтезирования двух письменных традиций предопределяет широкое введение славянизмов в деловой язык, и местоимение *оной* становится одним из стилеобразующих примет канцелярского слога. О входящем в норму делового языка XVIII в. местоимении *оной* свидетельствует черновая правка документов. Так, в инструкции 1754 г. во фразе «когда ты и оная команда будите во избранном к тому месте» [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 4] местоимение *оная* написано другим почерком по зачеркнутому местоимению *та*.

Однако однозначной и последовательной замены местоимения *тоть* на местоимение *оной* не произошло: на протяжении по крайней мере первой

³ Противопоставление фонетико-орфографических форм *оный* — *оной* репрезентирует оппозицию норм книжно-литературного и делового узусов.

половины XVIII в. оба языковых средства активно функционируют в различных жанрах делопроизводственной документации. В связи с этим возникает вопрос: были ли какие-то семантико-стилистические различия в функционировании этих местоимений?

На первый взгляд, *тотъ* и *оной* в деловых текстах и, шире, в литературном языке XVIII в. использовались абсолютно равнозначно. Такое мнение высказывалось И. Я. Элсбергом: «В выборе одного из трех местоимений *тот, сей, оный* в хождениях XVIII века не прослеживается какой-либо закономерности» [Элсберг 1967: 15].

Между тем в памятниках деловой письменности XVIII в. наблюдаются следующие случаи употребления местоимений *тотъ* — *оной*:

- 1) исключительное употребление в одном и том же тексте местоимения *оной*;
- 2) употребление местоимений *тотъ* и *оной* как стилистических синонимов;
- 3) употребление местоимений *тотъ* — *оной* с семантическими различиями.

Отметим сразу, что в исследованных 242 документах XVIII в. употребление только местоимения *тотъ* не встретилось ни разу. Единственный случай — в приказе из иркутской канцелярии главному шуленге абызаевского рода Убугуну Тукаеву, в основной части документа используется только местоимение *тотъ*, однако в распорядительной части встречаем: все *оное* взыскано быть имеет с тебя со штрафом [РГАДА, ф. 413, оп. 1, д. 15, л. 11, 1782]. При этом слово *оное* вписано над строкой, что свидетельствует о правке документа в соответствии с нормами канцелярского стиля.

Безусловно, первые две категории в определенной степени говорят о том, что *тотъ* — *оной* используются как абсолютные синонимы. Однако такая интерпретация их функционирования представляется некоторым упрощением положения дел без учета историко-лингвистических и лингво-прагматических факторов.

Так, *оной* предпочтительнее в документах распорядительного характера. Причем в подавляющем большинстве документов первой половины XVIII в. и без исключения — во второй половине этого столетия в резолютивной части документов, содержащей разного рода императивные конструкции, отмечается местоимение *оной*: и вышепоказанного брацкого Очира осмотреть подлинно ль *оной* брацкой ножемъ поколоть и в которое место... и ежели *оной* брацкой Очир... можетъ на коне ехать то привести вам ево Очира с собою в Селенгинскъ [из инструкции — РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 2, л. 382, 1730]; приказали с прописаниемъ *оного* доношения в Селенгинскую ратушу послать сеи указъ [из указа — НАРБ, ф. 306, оп. 1, л. 1 об., 1776]; и во время *оных* приемовъ быть въ могазеинахъ [из наставления — НАРБ, ф. 401, оп. 1, д. 5, л. 5, 1794].

Интерес представляют такие случаи, когда в казусной части документа местоимения *тотъ* и *оной* используются практически без каких-либо семантико-стилистических различий, но в той части, где выносятся решение, употребляется только *оной*: ... послать промеморию чтоб *оная* ратуша благоволила показанного Бурмакина сыскав и прислать... ежели не благоволишь

прислать то б сама собою об *оном* содомском грехе благоволила исследовать... понеже *оное* дело надлежить до духовного суда [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 21, л. 57 об., 1755].

Иными словами, местоимение *оной* было особо употребительно в официально-деловом слогое.

Об официально-канцелярском характере функционирования *оной* говорит его регулярная лексическая сочетаемость со словами — названиями административных учреждений того периода: *оная ратуша, оная канцелярия, оной магистрат, оные городнические дела* и т. п.: на репорты ис подчиненных *оной* канцелярии командь [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 289, 1741]; оть *оныхъ* городническихъ дель... ордырь того жь течения 18 ч получить честь имель [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 520, л. 4, 1788]; о чем нне и во *оной* магистратъ дать знать [НАРБ, ф. 20, оп. 2, д. 9, л. 18 об., 1785]. В данном случае особой является и семантика местоимения. Очевидно, помимо анафорического значения здесь реализуется и дейктическое значение «этот; тот, который имеет в виду говорящий в данный момент».

Кроме того, говоря об исключительном употреблении *оной*, следует учитывать историческую динамику в отношениях местоимений *тотъ* и *оной*. К концу XVIII в. преимущественно субстантивное *оной/оный* с анафорической функцией и, как правило, в документах директивного характера все-таки вытесняет местоимение *тотъ*: чтоб были во всякой исправности почтовые станьки чтоб была <sic!> при *оных* узаконенное число лошадей [из приказа — НАРБ, ф. 120, оп. 1, д. 6, л. 2 об., 1792]; буде же... водою и сухим путем казенной провиантъ привезень будетъ то *оными* пробовать нарочно для того зделанными совками [из наставления — НАРБ, ф. 401, оп. 1, д. 5, л. 6, 1794].

Прямо противоположный случай — смена употребления местоимения *оной* на *тотъ* в одном и том же документе. Так, в допросных речах на первом листе документа встречаем *сверх онаго, со онымъ вышель, об оной покраже*: 1^е: в питеиномъ доме Епишихи бес товарищеи раскрыль кровлю | влесь в сени у двереи пробой вывернулъ взошелъ за стойку | спустился в подполье а сиделець в то время спалъ и не слыхаль, взялъ ящикъ | да сверхъ *онаго* с лавки одинъ армякъ двюсторонной... 2^е апреля на 3^е: ч[исло] на хлебномъ рынке из лавки балаганского | купца Ивана Петухова обще съ салдатомъ Иваномъ Кунгу|ровымъ у которой лавки болты отвернули взошли оба: покрали | разнаго товару какъ покравши завезали в одинъ товару какъ покравши завезали в одинъ товару какъ покравши завезали в одинъ узоль | денегъ в табакерке сребреныхъ одинъ рубль дватцать пять копеекъ | с медныхъ нисколко не брали и все *оное* унесли в баню в домъ | цеховаго Суровцова у коего... показанная | женка Петрова спрятала под полокъ бе³ всякаго разделу и назавтре | об *оной* покраже сказываль тои же женке Петровой что: | вчерашнею ночь покрали съ салдатомъ Кунгуровымъ на хлебном | рынке лавку [ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 90, л. 65, 1785].

Но уже далее так же последовательно употребляется местоимение *тотъ*: *в ту лавку, в ту ж дыру, у того двора, тотъ Рогачевъ, к тому Бак-*

лушеву, от того страха, в том месте: и какъ зделалось темно, вышли со мною | на улицу салдать Рогачевъ и съсылной Ивановъ зговорились вторично | и то жъ в ту лавку для покражи товаровъ по приходе в ту ж дыру | влезли все трое две шири распоролы с китайкою жъ и навезали | три ноши толко стали вылезать и у того двора караулныя | тревожили насъ и тотъ товаръ бросили убежали и дорогою ска|зывалъ Рогачевъ что оставилъ над той дырой калаусъ з бритвой | да чарки... [Там же, л. 65 об.] и т. п. Создается впечатление, что писец, увлекшись нарративным режимом рассказа о преступлениях ссыльного Федора Воротилова, забывает о норме употребления *оной* и возвращается к приказному *тотъ* именно в повествовательной части документа. В конце документа он снова возвращается к местоимению *оной*: да сверхъ онаго получено мною было | от сылнаго Анохина ис покраденныхъ имъ у купца Михаила | Резанцова из лавки кежу, остатокъ без меры: и все оное | отдалъ здесь в городе жене своей Аксиные Афонасьевой и оная | получа увезла съ собою в деревню Жилкину [Там же, л. 66 об.]. Вообще в повествовательной части таких документов, как челобитные, прошения, допросные речи, на протяжении всего XVIII в. больше сохраняется приказная традиция употребления *тотъ*.

Употребление обоих местоимений как абсолютных синонимов в одном и том же тексте также имело некоторые закономерности: велено мне ехать... для опалки Курензелинского медного завода ибо онъ сотникъ в начальство рапортовал что без указу *тотъ* завод не опаливать и об опалке *оного* завода ожидал указу и для того взять с собою означенного сотника и пристойное число людей и *тотъ* завод опалить по надлежащему... и *тот* завод опалил по надлежащему и впред никакой опасности чтоб *онои* от приходящих со степи огней... згорел не имеется [ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 7, л. 321г, 1747]. Регулярность попеременного употребления *тотъ* или *оной* позволяет предположить, что местоимения используются для того, чтобы избежать повтора слова. Как синонимы *тотъ* и *оной* имели общее анафорическое значение — отсылку к антецеденту. В определенных контекстах может происходить нейтрализация их семантико-стилистических различий. В последнем примере, когда речь идет об одном и том же объекте, допускается применение местоимений *тотъ* и *оной* как абсолютных синонимов.

Семантико-стилистическое разграничение местоимений *тотъ* — *оной* наблюдается в следующих случаях. Если в контексте речь идет о двух объектах, то среди них первый антецедент в дальнейшем имеет отсылку посредством местоимения *оной*, а второй — с помощью местоимения *тотъ*. Приведем примеры, обозначив в круглых скобках последовательную нумерацию тех объектов, к которым в дальнейшем осуществляется отсылка: которой островъ (1)... и взялъ онъ Смирной (2) во владение... а по приезде ево туда вступился на *онои островъ* косить сено кабанской купецъ Никифор Округинъ называя *онои* Харитоновским а у *того* Смирнова... точно значитца Конной островъ а не Харитоновской [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 520, л. 4, 1788]; а сего марта, в первых числах вышеписанной кананир Курбатовъ (1) извес-

тился... что те покраденныя у него сумы (2) имеются тоя ж Тресковской слободы у жителя отставного казака Тимофея Мардовскаго, почему *оной кананир Курбатовъ* для сыску *техъ сумъ* денегъ и пожитковъ в ту Тресковскую слободу мною былъ отпущень [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 2 об., 1769].

Другая особенность состоит в том, что местоимение *оной* указывает на предмет, актуализируемый в пространственно-временном отношении как близкий, важный в данный момент для говорящего (пишущего). *Тотъ* указывает на объект, о котором речь шла раньше, в прошлом. Здесь на анафорическое значение накладывается дейктическое, при этом местоимение *тотъ* маркировано уже как средство, указывающее на нечто, отдаленное в пространстве и/или во времени: ...было полагаемо штобъ ему Светлеговскому... учинить наказание прогнаниемъ шпицрутень чрезъ тысячу человекъ шесть разъ... почему *то следствие...* представлено было на рассмотрение его высокопревосходителству... с таким мнением: хотя *оной профось* за написание *того паишпорта...* и стоил бы вышеприговоренного наказания... не угодно ли будетъ в страхъ другимъ а ему в воздержание прогнать ево шпицрутень чрезъ пятьсот человекъ три разъ [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 534, 45 об., 1788]; присланы... о бережении земляных яблоков печатные экземпляры и при том в указе правительствующего сената объявлено что в ту губернию к отсылке *техъ яблоков* назначено и туда отправить велено тритцат три пуд семь фунтов того ради из *оныхъ экземпляровъ* для разпубликования и росылки во все Селенгинского уезду места... прислано каждых по дватцати [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 71, л. 179, 1766]; промемория ис канцелярии Охотского порта в Селенгинскую ратушу прибывшей... ученик Дмитреи Бочаровъ о бывшем с ним в вояже работном селенгинском посадском Прохоре Жаравине репортом объявил что ехавши с Алаиту острова баидарою с протчими утонул и по *тому репорту...* велено о *том утопшем Жаравине* к сведению во *оную Селенгинскую ратушу* сообщить сею промеморию [НАРБ, ф. 20, оп. 2, д. 1, л. 24, 1778].

Аналогичным образом используется субстантивное местоимение *оной* в указах Петра I: и когда на те указы получены будутъ ответы то *оные* того же часа какъ от записки возмутъ, в *техъ тетрадахъ* подписывать именно [ПСЗ, Указ от 30 января 1720 г., с. 122].

Таким образом, *оной* к концу XVIII в. в деловом языке полностью заменило местоимение *тотъ* в качестве стилиобразующего средства. Оно выступало в анафорическом значении «этот, близкий в пространственно-временном отношении». Местоимение *тотъ* было маркировано как указание на более отдаленный в пространственно-временном отношении предмет.

Анализ функционирования указательных местоимений *сей, тотъ, оной, этотъ/этотъ* в деловом языке XVII—XVIII вв. показывает, что функционально-стилистическое переосмысление коснулось прежде всего местоимений *сей* и *оной*. Местоимение *сей* формируется как стилиобразующее средство делового языка в дейктической функции в сочетании с существительными, обозначающими документы (*сей указ*). В анафорической функ-

ции *сей* в деловой письменности распространяется во второй половине XVIII в., но в отличие от его литературного употребления в канцелярском слоге ему не свойственна высокая стилистическая окраска. Местоимение *оной*, пришедшее в деловой язык из книжно-литературного узуса, в первой половине XVIII в. активно функционирует наряду с местоимением *той*, вытесняя его к концу этого столетия. В стилистическом плане ему присуще официально-канцелярское употребление в документах распорядительного характера. Местоимение *той*, утратив стилистическое свойство приказного слога, сохранило семантический признак указания на пространственно-временную отдаленность предмета с точки зрения говорящего. Данный признак маркирует это местоимение в оппозиции местоимению *оной* в деловом языке и местоимению *этом* в народно-разговорном. Последнее в XVIII в. воспринимается еще вне нормы литературного языка.

Источники

- АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 2. М., 1998.
- Лавр. лет. — Полное собрание русских летописей Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Ип. лет. — Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Лом. 1743 — М. В. Ломоносов. Вечернее размышление о божием величии, при случае великаго севернаго сияния // История русского литературного языка: Хрестоматия / Сост. А. Н. Кожин. М., 1989. С. 201—202.
- Лом. 1755 — М. В. Ломоносов. О пользе книг церковных в российском языке // История русского литературного языка: Хрестоматия / Сост. А. Н. Кожин. М., 1989.
- Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.
- Пам. южн. нар. — Памятники южновеликорусского наречия XVII века. Отказные книги. М., 1984.
- ПВЛ — Повесть временных лет (Лаврентьевский список) // История русского литературного языка: Хрестоматия / Сост. А. Н. Кожин. М., 1989. С. 205—209.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 6: 1720—1722. СПб., 1830.
- Рус. ист. пов. — Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984.
- Рус. чел. — А. П. Майоров. Русские челобитные XVII века (явочные, изветные и другие). Улан-Удэ, 1998.
- Тред. — В. К. Тредиаковский. Езда в остров Любви // История русского литературного языка: Хрестоматия / Сост. А. Н. Кожин. М., 1989.

Литература

- Арутюнова 2000 — Н. Д. Арутюнова. Показатели чужой речи *де, дескать, мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке. М., 2000. С. 437—453.
- Богатырева 1968 — Г. Д. Богатырева. Основные семантико-синтаксические значения местоимений *сь, ть, онь (и)* в древнерусском языке XI—XIV вв. Кишинев, 1968.

- Вольф 1974 — Е. М. В о л ь ф. Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- Живов 1996 — В. М. Ж и в о в. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Живов 1999 — В. М. Ж и в о в. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1999. С. 212—247.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.
- Лысакова 1971 — И. П. Л ы с а к о в а. Указательные местоимения в языке русской частной переписки XVII — начала XVIII века. Л., 1971.
- Падучева 1985 — Е. В. П а д у ч е в а. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Ревзин 1973 — И. И. Р е в з и н. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 121—137.
- Семенихина 2004 — М. В. С е м е н и х и н а. Местоимения *сь, ть, онъ* в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны Иосифа Флавия» // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ, 18—21 марта 2004 г. М., 2004. С. 70—71.
- Элсберг 1967 — И. Я. Э л с б е р г. Склонение и употребление атрибутивных указательных местоимений в русском языке XII — начала XVIII в. (на материале языка хождений и путешествий русских людей). Л., 1967.